

Покровский Б. А.

23.01.97

Борис Покровский:

Известия. - 1997 - 23 января - с. 6

Я не бунтарь, но обо мне не скажут: этот трус не поставил даже Прокофьева

23 января в Большом театре — вечер, посвященный 85-летию Бориса Александровича Покровского, великого русского оперного режиссера. В этом есть особый знак, ведь Покровский сейчас не работает в Большом. Но, как заметил о себе еще Ломоносов: меня можно отставить от академии, но академию от меня отставить нельзя.

Покровский уходил из Большого в начале 80-х согласно поданному им же заявлению. Подать его настоятельно рекомендовал тогдашний министр культуры Петр Демичев. Покровскому показалось: министр сам этого не хочет, но таковы обстоятельства — непостижимые нормальным умом обстоятельства, дамочков мечом нависавшие в те времена над художниками.

— К своему юбилею у себя в Камерном вы ставите оперетту «Веселую вдову»?

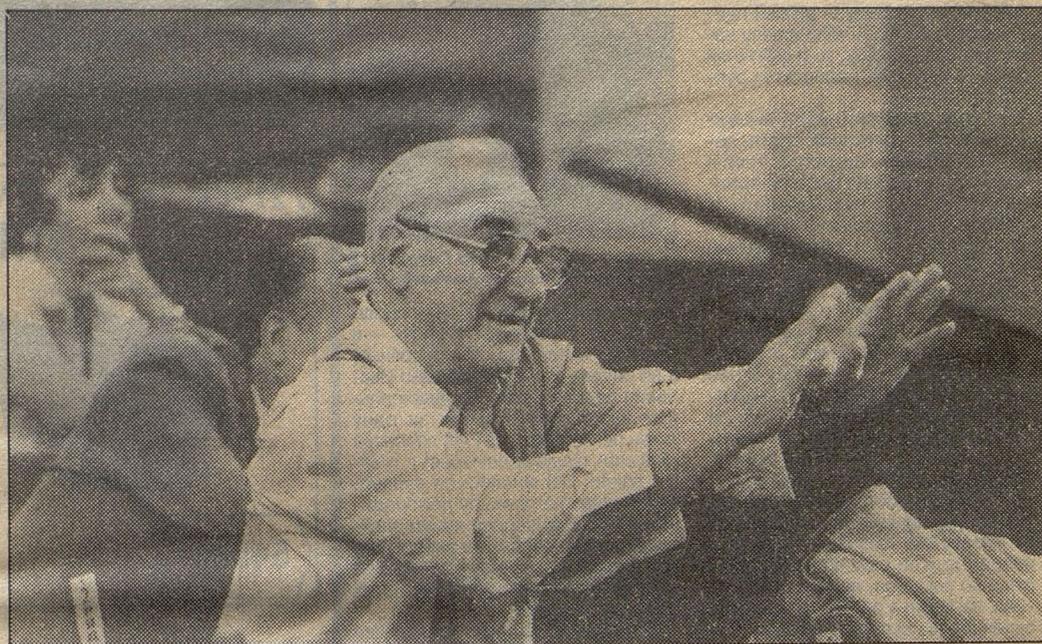
— Сейчас время, когда надо бы улыбнуться, а то и поплакать. А вы знаете, Рахманинов назвал «Веселую вдову» гениальной...

В сорок четвертом Покровский появляется в Большом и ставит «Евгения Онегина».

— Все-таки, что для вас Большой и что Камерный?

— Опера есть театр. Этому меня научили Верди, а также Моцарт в письмах к отцу. Оперу пишут не композиторы, а драматурги, это не мои слова, а Чайковского. Моя же задача — разгадать музыкальную драматургию произведения, для чего композитору понадобилась данная музыкальная интонация. Еще одна формула Чайковского: непоставленная на сцене опера не имеет смысла. Это верно для всякого музыкального театра.

— Вы пришли в Большой, когда и сами были другим, и

Большой тоже. Сейчас вы опять другой, и Большой изменился.

— Как говаривала моя мама, самое главное — прилично. Надо вести себя прилично. У Большого много трудностей, и не совсем еще ясно, как из них выйти. Трудности меж тем были всегда и всегда будут. Но когда я был молод, в Большом были уже Козловский, Лемешев, Рейзен, Самосуд, Мелик-Пашаев. Очень разные, с разными вкусами, они все звали меня на чай. И не потому, что подкармливали из своего более плотного пайка полуголодного молодого человека, — они меня учили, не вмешиваясь в мои дела. Потом пришли Рождественский, Светланов и вели себя точно так же. Когда

я репетировал «Войну и мир», Прокофьев сидел рядом, но ни одного замечания я от него так и не получил.

— Вы поставили все оперы Прокофьева, если б не вы, Прокофьева как оперного композитора в мире так не знали бы.

— Когда и кто бы ни предлагал мне поставить Прокофьева, я обязательно соглашался. А когда спрашивали, что я хотел бы поставить, я говорил: Прокофьева. «Игрока», например, я сначала сделал в Лейпциге. Приехали из Москвы посмотреть, что там за формализм. Тогда композитор Кирилл Молчанов заявил, что не будет директором Большого театра, если Покровскому не разрешат

поставить «Игрока». Да, были люди в наше время...

— Вначале вы как бы осваивали оперное наследие. Потом словно взбунтовались — за «Садко», за «Проданную невесту» вас били наотмашь, критики соревновались, кто большей ужалит. И вот резкий поворот — Прокофьев, «Судьба человека» Ивана Держинского. Это был законопослушный ответ на требование партии «отражать современность» или, скорее, — бунт художника, для которого главное — новое?

— Посмотрите на мое окружение — Прокофьев, Шостакович, из дирижеров — Самосуд, из художников — Дмитриев, Вильямс, из хореографов — Вайно-

нен, Захаров, Лавровский. Они постоянно творили и втягивали в это меня. Свои «смелости» я вовсе не отношу к бунтарству, нет, я не бунтарь. Но я понимал: если мне скажут спасибо за то, что я не поставил Прокофьева, то завтра обо мне скажут: этот трус даже не поставил Прокофьева. Я считаю, что Прокофьев и Шостакович рядом с Глинкой, Чайковским и Мусоргским непременно должны быть в репертуаре русского оперного театра.

— Есть ли у вас в столе что-то новое?

— Опера Александра Холминова, которого я весьма ценю, — по пьесе Островского «Лес». Боюсь, поставят ее не скоро: в Большом нет денег, тем более нет в Камерном, и вообще в театрах нет. А опера интересная, давно не было больших новых русских опер. И если говорить о мечте, то вот она: совсем новая русская опера.

Покровский много ставил за рубежом, и не одну классику. Например, «Жизнь с идиотом» Шнитке. Пришли к нему однажды Шнитке и Виктор Ерофеев, рассказали, что принесли. Потом Ерофеев писал, что, отправляясь к «консерватору из Большого», они были уверены: Покровский спустит их с лестницы. Но почему? Ведь они принесли новое произведение — но-во-е! Мог ли он отказаться? И поставил вместе с Ростроповичем «Идиота» в Голландии. Затем Вена, Москва. Когда Камерный возил спектакль на гастроли в Италию, пришел Шнитке и сказал, что это именно то, что он хотел видеть.

— В XIX веке опера была театром певцов. Вас считают родоначальником режиссерской оперы в России...

— Нелегко согласиться, но вы

правы. Хотя это зависело не от меня — от Козловского, от Петрова, они уже не хотели ходить на котурнах, они хотели жить на сцене.

— Борис Александрович, есть ли у вас за границей дома, виллы на океанском берегу?

— У меня есть хорошая квартира в Москве. Я, конечно, консерватор, человек старомодный. Но нас таких много. Я могу поехать поставить спектакль, но очень скоро начинаю скучать...

— В данный момент есть ли у вас приглашение от Большого, кроме приглашения на юбилейный вечер?

— Я впервые вошел в Большой десятилетним мальчиком. Это же вся жизнь. И когда бы меня ни позвали в Большой, я всегда готов.

— Часто говорят о смене. У вас есть «сменщик»? Впрочем, достойный сменщик — уже другая личность.

— На протяжении всей жизни слышу: где ваша смена? Кому вы передадите свое кресло? А почему я должен растить человека, который меня сменит? Это вообще не мой вопрос: кто меня сменит. Иметь учеников почетно, последователей — приятно. Но в искусстве каждая личность неповторима. Я время от времени подавал заявления об уходе (чтобы меня уважали). Вокруг же многим хотелось, чтобы кто-то дышал мне в затылок. Помилуйте, так смену не растят, так растят завистников. Хотите иметь много мастеров — создайте условия для их появления. Но вы правильно угадали: придет другой — он будет **другой**. Главное, чтобы он оказался нужным искусству.

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».